

Правозащитный Центр «Мемориал» - Memorial Human Rights Center

127051 Россия, Москва, Малый Каретный пер., д. 12

т. (495) 225-31-18

Web-site: <http://www.memo.ru/>

Комитет «Гражданское содействие» - Civic Assistance Committee

127006 Россия, Москва, ул. Долгоруковская, д.33, стр.6

т.(499) 973-54-74; (495)-251-53-19

Web-site: <http://refugee.memo.ru/>

**Положение жителей Чеченской Республики,
вынужденно переселившихся из горных сел на равнину
после возобновления боевых действий в 1999 г.**

11-13 декабря 2006 г. сотрудники Комитета «Гражданское содействие» Х.Н.Бахаев, Е.Ю.Буртина и Л.З.Гендель совместно с сотрудниками представительства Правозащитного центра «Мемориал» в Гудермесе Л.С.Юсуповой и О.С.Титиевым провели обследование положения жителей горных сел Чечни, переселившихся на равнину в период проведения в республике так называемой «контртеррористической операции», то есть с осени 1999 г.

Цель обследования состояла в том, чтобы расширить представление об этой категории мигрантов, в том числе и для выяснения ее потребностей в помощи со стороны властей, правозащитных и гуманитарных организаций. До настоящего времени положением ВПЛ из горных сел специально интересовались только сотрудники Правозащитного центра «Мемориал», работающие в Чечне и в Ингушетии. Они неоднократно пытались привлечь внимание к проблеме запустения горных сел и бесправного положения ВПЛ в местах их расселения, выступая в местных СМИ, публикуя информацию о них на сайте «Мемориала». Сотрудники представительства ПЦ «Мемориал» в Гудермесе при поддержке Датского Совета по делам беженцев организовали круглые столы в Гудермесе и Грозном с участием администрации Гудермесского района, комитета по делам вынужденных переселенцев Правительства Чечни, УФМС России по ЧР и самих переселенцев. Дважды такие круглые столы проводились на республиканском телевидении. Тем не менее, за пределами республики о существовании этой категории мигрантов практически никто не знает.

Почему беженцы из горных сел выпали из сферы общественного внимания? Видимо, причин несколько. Во-первых, перемещение горского населения не привлекло внимания, поскольку оно происходило внутри Чечни и преимущественно в тот период, когда какой-либо независимый контроль за тем, что там происходит, был наименее возможен. Причем в силу относительной малочисленности горского населения, даже массовый исход из горных сел нисколько не напоминал бегство из Грозного и густонаселенных равнинных сел Чечни осенью 1999 г. - с многокилометровыми вереницами машин на дорогах и толпами людей у КПП на границе с Ингушетией. Люди покидали свои дома в горах отдельными семьями, иногда группами, которые если и привлекали чье-то внимание, то только со стороны военных (например, житель горного с. В.Курчали рассказал нам, что пьяные солдаты обстреляли людей, выезжавших из села, убив и ранив несколько человек). Во-вторых, спустившись с гор, беженцы расселились и - рассеялись - среди местного населения. В отличие от лагерей, ПВР-ов и МКП, села, где осели горцы, не служат местом паломничества представителей прессы, международных и

гуманитарных организаций. Поэтому их присутствие может позволить себе не замечать даже администрация тех сел, в которых они проживают.

Проведение обследования стало возможным благодаря тому, что сотрудники представительства ПЦ «Мемориал» в Гудермесе уже несколько лет работают с беженцами из горных сел, знают места их расселения, имеют контакты в их среде и пользуются их доверием. Благодаря этому, нам удалось за короткий срок – всего за 3 дня, - не тратя время на поиски, посетить и опросить 105 семей ВПЛ из горных сел.

Обследование проводилось в местах массового расселения беженцев из горных сел: нескольких селах Гудермесского района: в селах. Ойсхара (13 семей), Верхний Нойбера (12), Нижний Нойбера (29), Гордали-Юрт (9), Кади-Юрт (6), Иласхан-Юрт (15) Гудермесского района, в самом Гудермесе (6) , а также в ст. Ильинская Грозненско-сельского района (14).*

При проведении обследования мы руководствовались списками нуждающихся семей беженцев, которые были представлены в «Мемориал» активистами из их среды. Часть семей мы посетили по рекомендации наших проводников – беженцев, которые помогали нам находить нужные семьи в своих селах, а в селе Гордали-Юрт нашим проводником был имам местной мечети. Некоторые адреса нам подсказали в опрашиваемых семьях.

Итак, нам удалось посетить 105 семей, выселившихся на равнину из 20 горных сел Чечни: из 10 сел Веденского района (Дарго, Тазен-Кала, Джани-Ведено, Гуни, Эрсеной Гезенчу, Шерды-Мохк, Верхние, Средние и Нижние Курчали), 3 сел Курчалоевского (Хеди-Хутор, Эникале, Белты) и 7 сел Ножай-Юртовского района (Гордали, Бас-Гордали, Верхние Гордали, Гансолчу, Турти-Хутор, Малые Шуани, Хашты-Мохк). Почти 70% опрошенных составили выходцы из 6 сел: Тазен-Кала, Гезенчу, Шерды-Мохк, В.Курчали, С.Курчали и Гансолчу..

В ходе обследования проводился опрос, который состоял из трех различных по объему смысловых блоков. Прежде всего, мы хотели выяснить, когда, по каким причинам и при каких обстоятельствах люди покинули свои села. Наибольшее количество вопросов касалось обустройства ВПЛ на новом месте. В конце опроса мы спрашивали о том, планируют ли беженцы вернуться в горы.

Причины и обстоятельства исхода из горных сел

Вопрос о причинах выезда часто вызывал у людей некоторое недоумение - настолько очевидным им представлялся ответ. Во всех случаях (за единичными исключениями) выезд был связан с проведением так называемой «контртеррористической операции». Большинство беженцев говорило о причинах выезда односложно и практически одно и то же: «обстрелы, зачистки». Различия в формулировках обусловлены в основном наличием специфического личного опыта (обычно трагического). Приведу часть более развернутых ответов о причинах выезда, хотя, по правде говоря, хотелось бы выписать их все. Эпиграфом к этой части доклада могут служить слова одного из жителей села Средние Курчали: «Никакого закона не было, находились между молотом и наковальней» (68**)

Гансолчу

- «Забрали мужа, постоянные зачистки, обстрелы. Сердце не вынесло. Держалась до последнего. Уехала, когда больше половины жителей выехало из села» (33, выезд 2002 г.).

* По сведениям ПЦ «Мемориал», массовое расселение ВПЛ с горных районов наблюдается также в с. Новые Бельты, Новые Шуани Гудермесского района, в г.Аргун и в нескольких селах Шелковского района.

** Здесь и далее цифрами в скобках обозначены номера опросных листов, на которые дается ссылка.

- «Постоянно бомбили, дети боялись, сидели в подвалах, зачистки – каждые 2-3 недели. Все ушли из села. Оставшиеся дома /потом/ сожгли» (38, выезд 2002).

М.Шуани

- «Муж и старший сын получили осколочные ранения во время перестрелки через село. Русские солдаты забрали все, даже муку. Осталось полбатона хлеба, одна чашка и одна ложка. Грабили 4 раза. Сказали: «Выходите, или ваш дом будет гореть» (65, выезд 2002).

Ширды-Мохк

- «Военные издевались над людьми. Весной 2001 г. вывели мужчин на окраину села, заставили раздеться и несколько часов держали на земле» (29, выезд 2002)
- «Выехали из-за постоянных обстрелов, днем и ночью сидели в подвалах, были убитые и раненые, медпомощи не получали, не было даже грунтовой дороги, вывозили раненых на тракторах. В селе было 50-60 домов. Сейчас все уехали» (21)

Гезенчу

- «Каждую неделю зачистки, обстрелы – в любое время. Прятались в сырых блиндажах. Не то что выехать в соседнее село на работу /в школу/, даже пойти в соседний дом было опасно. Много было раненых и убитых. Ни больницы, ни ФАПа /фельдшерско-акушерского пункта/ в селе не было, дороги, чтобы вывезти раненых, тоже не было. Люди пропадали. Главу администрации села, Шамхана Банзаева в ноябре 2002 г. забрали военные, и он пропал. С ним люди чувствовали себя спокойнее. Он вместе с главой администрации соседнего села заступался за людей. В 2001 г. в село вошел десант, меня в школе держали под прицелом, пока не пришел Шамхан» (15, выезд 2002 г.).

Гордали

- «Жили на окраине села, постоянно обстреливали. Рядом упала глубинная бомба, соседи погибли» (27, выезд 2000).

Бас-Гордали

- «В дом попало 9 снарядов. С 1999 г. были между двух огней. Мужа несколько раз забирали без всякой причины, забрали машину, деньги. Над мужем издевались (у него шрам после аварии 1992 г.), говорили, что он – боевик, сильно били. Два раза подкидывали в дом гранату и мужа из-за этого били. Через стеклянную дверь сама видела, как мужа заставили поднять белье и положили туда гранату» (90, выезд 2002).

В.Курчали

- «Беспорядок был, никакой власти. После убийства главы администрации некому было вытаскивать людей после зачисток. От каждого требовали сдать оружие». (№ 103, 2002)
- «Сыновей неоднократно били при мне /матери/, заставляли смотреть, допытывались, где боевики, а ребята не знали. Мужа тоже избивали, сломали переносицу, отбили внутренние органы. Даже младшего сына били, который тогда был в 6 классе, ходили по нему ногами» (83, 2002).
- «Жили на окраине села. Как и все, последний месяц не могли спать: все время стреляли. У жены было осколочное ранение» (89, 2002).

С.Курчали

- «Сын заболел на нервной почве. Вертолеты, ракеты, зачистки. Сын боялся за отца: всех мужчин забирали, избивали, потом отпускали» (59,2001)
- «Бомбили. В одну ночь во двор попало 11 снарядов» (60)
- «Убили главу администрации, его жену (русскую учительницу), их дочь и имама села. После этого в течение недели из села все уехали» (67, 2002).

Н.Курчали

- «Обстрелы, мины – нельзя ни в лес сходить, ни сена накопить. Зимой 2001 г. в одну ночь на 22 оставшихся дома высадилось около 1000 десантников, которые получили задание избавиться от жителей» (62, 2002).
- «Со всех сторон достают: боевики с оружием требуют еды, федералы требуют сказать, где боевики» (58, 2002).

Тазен-Кала

- «В селе только в трех домах жили люди. Родители были на похоронах, дома оставались только дети. Ночью дом обстреляли из вертолета, брата 14 лет убили, меня и сестру ранило в глаза. Перед этим отец (он был управделами администрации села) ходил в соседнюю часть, просил не обстреливать село» (45, 2004)

Эникале

- «Работы нет, в лесу шастают федералы, забирали мужа, били – за бороду. В горах – боевики. Жители – между двух огней. Пока строили на равнине дом, не хотели забирать из старого дома вещи. Когда построили, оказалось, что федералы все вынесли» (70, 2004).

Эрсеной

- « Мужа и двух его братьев военные увели из дома, одного отпустили, а мужа и второго брата тут же убили» (4, выезд 2004).

Об уровне насилия по отношению к жителям горных сел свидетельствует тот факт, что 25 из 105 опрошенных сообщили о наличии убитых, раненых и пропавших без вести в своей семье, в том числе 7 семей заявили о 10 убитых, 14 семей – о 19 случаях похищения близких родственников, 12 опрошенных – о 17 членах семьи, получивших ранения. При этом специально вопрос об этом не задавался, так что в действительности число такого рода событий, видимо, было больше. Что касается избиений и издевательств со стороны военных, то, судя по рассказам беженцев, через это прошло практически все взрослое мужское население горных сел, - по крайней мере, тех, откуда выехали наши собеседники.

На вопрос о состоянии оставленного в горах жилья 87 человек ответили, что жилье разрушено. Однако, в качестве причины (чаще - одной из причин) выезда отсутствие жилья назвали только 9 человек. Как это объяснить? Очевидно, тем, что в момент выезда из села у многих жилье было еще цело или разрушено лишь частично, а полностью было разрушено потом. Об этом нам сообщили 36 из 87 человек, заявивших об отсутствии жилья в горах. Возможно, количество таких ответов было бы больше, если бы вопрос был поставлен более корректно. В нашем опросном листе он звучал так: «В каком состоянии оставленное жилье?». Такой вопрос скорее имеет в виду современное состояние жилья, а не то, в каком оно было оставлено при выезде. Только при обработке и анализе опросных листов стало ясно, что это - разные вопросы и что в постановке того и другого есть смысл.

Особенно поразительно выглядят ответы беженцев из трех сел Курчали: на вопрос о состоянии жилья 7 из них ответили просто, что их жилье разрушено, и еще 23

сообщили, что их жилье разрушено после выезда. Таким образом, из 34 опрошенных жителей этих сел, у 30 жилье было разрушено, причем в подавляющем большинстве случаев – уже после того, как жители покинули село. Видимо, эта ситуация была характерна и для других сел. Вот, например, ответ одного из жителей с. Гансолчу: «Все ушли, оставшиеся дома сожгли» (38).

Кто же, как и, главное, зачем разрушал дома в опустевших селах? Ответ на вопрос «кто?» достаточно очевиден, хотя беженцы об этом, как правило, прямо не говорили. Впрочем, в двух-трех случаях виновники разрушения жилья были названы: «Все разворовали военные: крышу, кирпичи, окна, двери» (83, В.Курчали). Способы разрушения жилья беженцы описывали по-разному: взорвали, разбомбили, сожгли, растащили, разграбили, разорили (формулировки «сожгли» и «разграбили» встречаются чаще других). Эти формулировки явно указывают на два различных процесса. Один – стихийный: мародерство и пьяное озорство военных. Второй процесс – сознательное систематическое уничтожение жилья в опустевших горных селах. Очевидно, это – один из методов так называемой «контртеррористической операции», направленный на то, чтобы вытесненное с гор путем постоянных обстрелов и зачисток население не вернулось в свои дома. Подтверждением этому служат и некоторые высказывания военных, воспроизводимые беженцами: «Каждый день зачистки бомбежки. При зачистке говорили: Зачем здесь живете? Все равно вас здесь не оставят!» (100, В.Курчали).

Еще один характерный сюжет, встречающийся в рассказах беженцев, – уничтожение военными скота. Упоминаний о таких фактах значительно меньше, чем о разрушении жилья. Но это не значит, что и в действительности таких фактов было меньше, так как мы, к сожалению, специально не спрашивали об этом. Приведем некоторые упоминания об уничтожении скота:

- Джани-Ведено: «Дом бомбили с самолета. Скот перебили. Было много скота» (2)
- Ширды-Мохк: «17 голов скота уничтожили после того, как БТР наткнулся на растяжку» (73)
- В.Курчали: «Всю скотину федералы уничтожили» (78).

Количество и характер упоминаний об уничтожении скота не позволяет с уверенностью утверждать, что скот не только становился случайной жертвой обстрелов, мин, или неслучайной жертвой мародерства и мести военных, но и подвергался уничтожению, так сказать, «по приказу» – как основной источник существования горцев с целью вытеснения населения из горных сел. Это обстоятельство требует дополнительного изучения.

Большинство опрошенных – 66 из 102 (в 3 случаях время выезда не указано) – покинули свои села в 2002 г. Видимо, именно в это время насилие по отношению к населению этих сел достигло запредельного уровня. Некоторые села тогда полностью опустели (Гансолчу, три села Курчали, Гезенчу, Ширды-Мохк). Однако, и в последующие годы исход из горных сел, хотя и в значительно меньшем масштабе, продолжался. Трое из опрошенных нами беженцев покинули свои дома в 2006 г. Две семьи, выехавшие в конце 2006 г. из с. Гордали Ножай-Юртовского района, так объяснили причины своего переезда на равнину:

- «Дом разрушен, негде жить. И сейчас иногда бывают перестрелки и зачистки. До второй войны в селе было больше 100 дворов, сейчас в два раза меньше. Школа работает, а фельдшера нет. Глава администрации живет здесь /то есть на равнине/, в своем селе бывает наездами. Двух глав администраций, которые работали до него, убили неизвестные» (93).
- «Волки подрали весь скот. Ружья для их отстрела держать не разрешают» (94).

Одна из опрошенных семей выехала из с. М.Шуани Ножай-Юртовского района по причинам, не связанным с боевыми действиями. В этом селе в разгар войны опустело 80 домов, в мае 2006 г. из-за наступления оползня жители оставшихся 64 домов в течение суток были эвакуированы МЧС (72).

Положение беженцев в местах их нынешнего проживания

Помощь местных властей

Большинство беженцев из горных сел при переселении на равнину не получили никакой поддержки властей. Но 5 человек все же сообщили о некотором участии администрации новых мест обитания в их судьбе. Приведем некоторые ответы беженцев на вопрос о том, оказывалась ли им помощь со стороны местных властей.

Ильинская:

- «Глава администрации предоставил временное жилье – пустующий дом» (8)
- «Глава администрации – человек неплохой, но помочь не может, все соседи помогли» (6)

Иласхан-Юрт

- «Нет, наоборот, снесли забор, говорят: уезжай» (16)
- «Нет, даже гонят отсюда» (17)

Ойсхара

- «Нет, чтобы записаться на участок здесь, надо было платить 10 тысяч, не было этих денег» (30)
- «Сельсовет зарегистрировал, обещал помощь, но не помог» (32)
- «Поставили на учет, дали справку, давали хлеб, с 2004 г. перестали» (39)
- «Не мешают, не помогают» (40)

В.Нойбера

- «Не помогли, но на учет взяли» (51)
- «Помогали хлебом, поставили на учет» (105)

Н.Нойбера

- «Первый год давали хлеб» (62)
- «Была выделена земля - 12 соток» (69).

О предоставлении временного жилья сообщил 1 человек, о выделении участка под строительство - 1 человек, о постановке на учет – 4 человека, о том, что давали хлеб – 3 человека. Вот и все.

Несмотря на лаконичность ответов беженцев, они свидетельствуют о различном отношении к ним со стороны местных властей в разных селах. В селах Ойсхара и Нойбера какая-то, хотя и незначительная работа с беженцами велась: часть беженцев поставили на учет, им выдавали справки, которые они могли предъявлять при проверках, хлеб. В с. Н.Нойбера с 1999 по 2004 г. главой администрации был уроженец с. С. Курчали, поэтому многие жители этого села переселились в Нойбера в надежде на его помощь. Вряд ли эта надежда вполне оправдалась, однако, после его снятия отношение к ним стало хуже. В ст. Ильинская никакой работы с беженцами, видимо, не было, но отношение к ним со стороны руководителя сельской администрации – благожелательное, и когда есть возможность кому-то из них помочь, он помогает. А в с. Иласхан-Юрт отношение администрации к переселенцам из горных сел открыто враждебное. Ответы на последующие вопросы подтверждают это наблюдение.

Помощь гуманитарных организаций

Значительно большее число ВПЛ из горных сел заявили о поддержке со стороны гуманитарных организаций: 42 человека – о помощи Датского совета по беженцам и 3- со стороны Международного Красного Креста. Еще 29 человек сообщили, что ранее получали продукты от Датского совета и 3 человека – о помощи Красного Креста. Таким образом, большая часть опрошенных в разное время получала помощь Датского совета по

беженцам. Фактически это единственная организация, которая помогает ВПЛ из горных сел. *

Датский совет предоставляет неимущим продуктовые наборы, включающие 1 бутылку подсолнечного масла, 4 кг муки, 1 кг сахара, 1 пачку соли на одного человека. Такой набор выдается раз в два месяца.

Несмотря на сравнительно небольшой объем помощи Датского совета, для многих семей она очень важна: «Без нее бы не прожили», - сказал нам один из беженцев в с. Ойсахара (32). Часть из тех, кто лишился этой поддержки, сообщили, что добивались или добиваются ее возобновления. Некоторые жаловались на то, что решения об исключении из списка бенефициариев принимаются сотрудниками Датского совета поверхностно, «на глазок»: «получали помощь от Датского совета, затем оттуда пришли, увидели машину соседей, решили, что – наша, и прекратили давать продукты» (65). Очевидно, при распределении помощи не обходится и без злоупотреблений. Например, в ст. Ильинская вместо продуктового набора выдается только мука. Не полностью выдаются продуктовые наборы и в Иласхан-Юрте: «то одно не дадут, то другое» (17).

Регистрация

Беженцам задавался вопрос, есть ли у них проблемы с регистрацией или с ее отсутствием. Ответы на этот вопрос представляется необходимым рассмотреть достаточно детально, поскольку регистрация традиционно используется в России как инструмент ограничения прав граждан. По тому, как обстоит дело с регистрацией, можно судить об отношении к беженцам со стороны местных властей.

Ильинская

Ситуация с регистрацией выглядит в селе достаточно благополучно: все опрошенные в этом селе семей, кроме одной (прописанной в Грозном), зарегистрированы временно (6) или постоянно (7). О проблемах с регистрацией заявили трое. Один беженец сообщил: прописан в Ильинской «временно, хотел постоянно прописаться, глава администрации с. Тазен-Кала /откуда он выехал/ отговаривает, хочет, чтобы он вернулся; хотел прописать детей, чтобы получили участки - отказ» (6). Другой сообщил, что не может прописаться постоянно из-за того, что нет денег на оформление дома, да и временная регистрация обходится в 300 р. на человека, что при отсутствии регулярных денежных доходов составляет проблему. (9) Третий сказал, что не может прописаться постоянно из-за отсутствия средств (13). А еще в одной семье нам сообщили, что в Ильинской прописана только часть семьи, а взрослые сыновья не хотят здесь прописываться, потому что собираются вернуться в горы (10)

Иласхан-Юрт

В селе Иласхан-Юрт картина совершенно другая: никто из опрошенных ВПЛ не имеет регистрации. Как сообщили нам в одной семье, несколько месяцев назад глава местной администрации собрал сельский сход, чтобы тот «легитимизировал» его решение не регистрировать переселенцев. При этом за отсутствие регистрации их штрафуют (21). Другой беженец сказал, что к сельской администрации по поводу регистрации «боится даже близко подойти, опасается, что вернут в село», откуда он приехал (20). И эти опасения не пустые: в один дом уже приходили люди в погонах, угрожали выселением (18).

* Многие семьи ВПЛ из горных сел были включены в продовольственную программу Датского совета по просьбе «Мемориала». В 2006 году ДСБ начал сокращать объем гуманитарной помощи и перешел к программам развития, поэтому многие семьи беженцев были исключены из списков получателей.

Как пояснили коллеги из «Мемориала», глава администрации Иласхан-Юрта, человек, близкий к Р.Кадырову, стремится во что бы то ни стало выполнить его требование о возвращении переселенцев в горы, не считаясь ни с их намерениями, ни с отсутствием реальной возможности возвращения в разрушенные села. Однако, проблема с регистрацией беженцев в Иласхан-Юрте имеет более сложный характер. Дело в том, что земельные участки, на которых стоят их дома, они либо получили (за деньги) у предыдущей администрации села без какого-либо оформления, либо приобрели – так же без оформления - у местных жителей, тоже не имевших документов на эту землю. Нынешняя администрация отказывается закрепить за беженцами земельные участки, что не позволяет им получить документы и на свое жилье. Все 9 семей, проживающих в Иласхан-Юрте в собственных домах, не имеют документов на жилье, не могут в нем ни зарегистрироваться, ни его продать и опасаются принудительного выселения. В таком же положении, по сведениям ПЦ «Мемориал», находятся и другие живущие в селе семьи ВПЛ.

Ойсхара

Опрос не дает возможности составить определенное представление о ситуации с регистрацией беженцев в этом селе. Из 13 опрошенных зарегистрирован, причем временно, только один. При этом четверо вообще не обращались по поводу регистрации: «Не пытались и проблем не было», - заявил один (30). Три семьи не регистрируются из опасения потерять компенсацию за жилье в горах. При этом семь человек сообщили об отказе в регистрации.

- «Когда были зачистки, просили прописать – отказали, сейчас тоже хотели бы прописаться, чтобы получить участок, но знают, что никого не прописывают» (33)
- «Здесь пока не прописывают, говорят: надо подождать, почему – не знает, нет разрешения сверху» (41)

В п. Ойсхара назвали две проблемы, связанные с отсутствием регистрации: невозможность получить земельный участок под застройку (три человека) и необходимость ездить за пособиями по безработице и на детей в горы. О каких-либо других проблемах из-за отсутствия регистрации здесь не говорили.

Гудермес

Из беженцев, проживающих в самом Гудермесе, нам удалось опросить лишь 6 семей (в том числе четыре – в пригороде Кундухово). У одной семьи есть временная регистрация. Три семьи сами не стремятся зарегистрироваться, потому что хотят вернуться в горы, а также из-за компенсации. Двое сообщили об отказе в регистрации:

- «Постоянно прописываться не хотим, думаем вернуться домой, а временно – отказывают. В прошлом году дважды забирали всей семьей в милицию» (46).
- «Временная регистрация есть у одного брата, а другим отказывают. При этом грозят штрафом. В паспортном столе говорят: возвращайтесь в свое село» (47).

По информации представительства ПЦ «Мемориал» в Гудермесе, сотрудники местного РОВД отказывали ВПЛ в регистрации, ссылаясь на указание сверху, при этом регулярно проводили рейды и «штрафовали» их за отсутствие регистрации. «Мемориальцы» привлекли к этому внимание прессы и добились от начальника РОВД обещания, что с этой практикой будет покончено. Но, видимо, он не твердо держит свое слово.

В.Нойбера

В с. В.Нойбера картина также достаточно пестрая. Из 11 человек, давших ответ на вопрос о регистрации, трое имеют постоянную прописку, трое – временную, один сообщил, что не имеет средств на оформление дома в собственность и взятку за прописку

(все вместе стоит 5 000 рублей), еще одна семья не регистрируется, опасаясь потерять компенсацию, две семьи сообщили об отказе в регистрации (но одной семье дали обещание в 2007 г. прописать) и одна семья имеет вместо регистрации справку из местной администрации. Эти справки начали выдавать беженцам по просьбе «Мемориала», чтобы защитить их от преследования за отсутствие регистрации во время «зачисток».

Н.Нойбера

В этом селе было опрошено наибольшее число семей беженцев – 29. 11 из них зарегистрированы по месту жительства, 5 – по месту пребывания, 13 – не имеют регистрации (5 из них получили справки). Проблемы с регистрацией беженцы описывают следующим образом:

- «не регистрируют, есть негласное указание не прописывать, выдают справки для проверок, чтобы не забирали федералы» (63),
- «регистрируют неохотно, надо платить» (68),
- «оттуда не выписывают, здесь не прописывают» (82).

Можно предположить, что оформить постоянную прописку удалось тем беженцам, кто успел построить жилье и обратиться по поводу регистрации при прежней администрации. Новая администрация вынуждена действовать в соответствии с заявлениями Р.Кадырова о необходимости возвращения беженцев в горы и, возможно, негласными указаниями не регистрировать их на равнине. При этом, как водится, в отдельных случаях указаниями начальства пренебрегают за определенную сумму.

В селе Гордали-Юрт мы опросили 7 семей, 3 из которых зарегистрированы по месту жительства, две сами не снимаются с учета в горах, опасаясь остаться без компенсации. Нет регистрации у двух семей, но одна лишь в декабре 2006 г. переехала в село.

В с. Кади-Юрт было опрошено 8 семей. Из них только три имеют прописку (постоянную), остальные не зарегистрированы, при этом двое беженцев заявили о том, что «власти не препятствуют регистрации» (99,100), а один сообщил: «В прошлом году не разрешили (зарегистрироваться), сказали, что запретили» (103).

Подводя итоги, следует констатировать, что значительное число опрошенных ВПЛ из горных сел (45 из 105) испытывают проблемы с регистрацией, и источник этих проблем - в стремлении властей принудить беженцев к возвращению на прежнее место жительства.

Компенсация

68 семей из 105 опрошенных подали документы на получение компенсации и рассчитывают ее использовать для строительства жилья, либо для возвращения долгов за уже построенное жилье. 29 семей получили компенсацию и построили либо пытаются строить на нее жилье. 8 семей не смогли подать документы на компенсацию - из-за того, что не имели прав на жилье, в котором ранее проживали.

Все слышаны о том, что процесс приема документов на компенсацию и ее выплаты сопровождается в Чечне серьезными злоупотреблениями. Опрос позволяет добавить лишь некоторые краски к этой картине.

Один из беженцев не подал документы на компенсацию, потому что «не смог заплатить за акт разрушения 15 тыс. руб.» (1). Многие из тех, кто сумел подать документы, через некоторое время узнали о том, что их документы потеряны, и им пришлось собирать их вновь, неся соответствующие расходы. Но часто сведения об утрате документов оказывались ложными, и документы «находились» после того, как заявители давали или подтверждали свое согласие дать взятку.

- «Документы приняты в 2003 г. в Веденском районе, все время теряются и не находятся, пока не пообещаешь часть компенсации» (67)
- «Сдавали документы на компенсацию в 2003 г. - есть расписка, теперь их не могут найти, так как не согласились на 50%» (74)

Судя по количеству упоминаний о потере документов, это один из наиболее распространенных способов вымогательства со стороны чиновников, ведающих выплатой компенсаций. Складывается впечатление, что особой алчностью отличается в этом отношении администрация Веденского района, которая постоянно теряет документы и требует самый высокий процент «отката» – 50% (41, 62).

Понятно, что согласиться на такой процент могут либо те, кто, не имея жилищных проблем, вместе с чиновниками делает на компенсациях бизнес, либо те, кто оказался в безвыходном положении, как беженка из с. Гансолчу. Ее семья получила только половину компенсации: «негде было жить, поэтому пришлось согласиться» (50). Те же, кто имеет характер и возможность упорствовать, ждут годами (41). Некоторые уже не надеются на компенсацию (37). Но большинство потерявших жилье - а в таком положении тысячи - все же рассчитывают когда-нибудь ее получить, и если эти надежды будут обмануты, это может вызвать серьезное недовольство.

Жилье

«Живут в чужом доме». Эта фраза часто звучала в разговорах коллег из «Мемориала» и наших помощников из числа беженцев как очевидный признак неблагополучия. Для большей части опрошенных этот уровень неблагополучия уже остался в прошлом: 58 семей из 105 имеют на равнине свое жилье. Остальные 47 распределились так: 19 семей живут в домах родственников (в том числе одна семья – в купленном родственниками железном вагончике, непригодном для проживания), 7 семей – у знакомых и малознакомых местных жителей, 18 снимают жилье, двум семьям жилье предоставлено местными жителями на условиях последующего выкупа, одна семья никакого жилья не имеет - ночует то у одних, то у других местных жителей.

Стоимость аренды жилья по московским меркам – ничтожная: из 9 человек, назвавших стоимость аренды, 3 семьи платят за дом 500 р. в месяц, 4 семьи – по 1000 р., одна – 1500 рублей и еще одна – 2000 р. Однако, в условиях, когда регулярные денежные доходы в лучшем случае сводятся к пенсии в размере 2000-3000 рублей, или к пособию по безработице в размере 700 рублей, а иногда и вовсе отсутствуют, ежемесячная выплата даже такой арендной платы за жилье может представлять определенную проблему.

Одна семья снимает за 500 рублей двухкомнатный облицованный кирпичом саманный дом в с. Иласхан-Юрт, другая - часть большого кирпичного полуразрушенного дома в п. Ойсхара, а третья - бетонный цокольный этаж из 2 комнат в пос. В.Нойбера.

За 1000 рублей снимают и хороший кирпичный дом в п. Ойсхара, и маленький саманный домик с окнами, затянутыми вместо стекла пленкой, в том же поселке, и крохотный деревянный домик в Гудермесе. За 2000 р. семья из 13 человек снимает трехкомнатный кирпичный дом в с. Н.Нойбера.

Совершенно очевидно, что разница в стоимости аренды определяется не только местонахождением и качеством жилья, но и наличием каких-либо неделовых отношений между хозяином и нанимателем - знакомства или едва прослеживаемого родства: в таких случаях сдают, конечно, дешевле, не увеличивают плату, снисходительно относятся к просрочке платежей. Некоторым беженцам местные жители (не родственники и не знакомые) предоставили жилье бесплатно – просто из сочувствия к их положению.

Однако многие из тех, кто живет в чужом доме бесплатно, все же находятся в напряжении - либо из-за необходимости в скором времени освободить жилье, на использование которого у хозяев есть другие планы, либо из-за того, что чувствуют неудобство, стесняя хозяев или вынужденно нарушая традиции. В одной из семей я почти

физически ощутила, какое постоянное смущение (до страдания) испытывает глава семьи - человек с развитым чувством собственного достоинства – из-за того, что вынужден жить в доме у родственников жены. Поэтому для всех, кто живет в чужих домах, включая вдов с несколькими детьми на руках, главная забота - построить свой дом.

Каким образом реализуют это стремление беженцы, чьи материальные возможности должны быть, по характеру их положения, крайне скудны? Думаю, что читатель, как поначалу и мы, с некоторым недоумением узнал о том, что большинство беженцев из горных сел проживает в своих домах. Что же это за беженцы? И действительно ли они бедны, если оказались в состоянии построить себе дома?

Один беженец в селении Добыча (п. Ойсхара), на мой вопрос, как же он смог построить дом, не имея регулярных денежных доходов, ответил, что дом обошелся ему почти бесплатно: он продал свой скот (двух коров и быка) и на вырученные деньги построил саманный дом с помощью пятерых братьев (40). Думаю, что этот ответ можно рассматривать как своего рода формулу строительства чеченского саманного дома, хотя в ней и отсутствуют некоторые элементы. Но сначала о том, что в ней есть.

Скот. Действительно, для тех беженцев, которым удалось пригнать с гор свой скот, он стал основным капиталом, который они могли использовать для приобретения земельных участков и строительства жилья. Из 58 семей, построивших себе дома, 10 сообщили, что продали ради этого свой скот. При этом специально вопрос о том, на какие средства строились их дома, беженцам не задавался. Так что, расстаться со своим скотом, чтобы обрести собственную крышу над головой, возможно, пришлось и другим беженцам. (Правда, в результате они остались без основного источника их существования).

Средняя цена коровы или быка в Чечне – от 15 до 20 тысяч рублей. Значит, нашему беженцу из п. Добыча удалось выручить за свой скот 50-60 тысяч. Могло ли этих денег хватить на строительство дома?

Вряд ли, но за эти деньги он мог в начале 2001-2002 гг. получить земельный участок и приобрести часть тех стройматериалов, которые требуют денежных затрат.

Вопрос о стоимости земельных участков не был включен в опрос, но многие беженцы говорили об этом сами. Затраты на получение участков сильно различаются в зависимости от времени и места их получения. В первые годы после переселения горцев на равнину они могли получить участки за 2500 руб. (Кади-Юрт), 8000-10000 руб. (Ойсхара), 15 000 руб. (В.Нойбера). Сейчас участки в этих местах стоят 60-100 тысяч рублей. В Иласхан-Юрте нам говорили о покупке земли за 25 тысяч рублей, в Ильинской - за 35 и 50 тысяч.

Второй важный элемент упомянутой «формулы» - саман. Подавляющее большинство домов беженцев выстроено из саманного кирпича: 36 из 58. Беженцы делают этот кирпич сами – из глины и соломы - и его изготовление им ничего не стоит, либо требует минимальных денежных затрат. Часто изготовлением кирпича занимаются женщины, которым помогают подростки. Реже встречаются и несколько дороже обходятся турлучные дома: глиняные дома на деревянном каркасе. Собственные турлучные дома были у трех опрошенных нами семей беженцев. Хозяин одного из них построил его из материалов своего разобранного старого дома в горах.

Те, у кого есть какие-то дополнительные средства, облицовывают саманные дома кирпичом: такие дома выглядят наряднее и престижнее сереньких саманных домиков с торчащими из стен «хвостиками» соломы, но с точки зрения тепла и прочности существенных преимуществ они не имеют. 9 из опрошенных нами семей имели облицованные кирпичом саманные дома в собственности.

И наконец, третий элемент «формулы» строительства беженского дома: помощь родственников. Элемент очень важен: об участии родственников – денежными средствами и трудом - в строительстве их домов упоминали многие беженцы. Некоторые говорили о том, что строить дом им помогали соседи. Но участие это в Чечне настолько

естественно и традиционно, что наверняка в той или иной степени им пользовались все, кто строил свои дома, просто не всем пришло в голову упомянуть об этом. Двум вдовам с детьми дома были построены братьями покойных мужей (5, 27). Некоторым родственники приобрели или отдали свои земельные участки (16,43,78,98). Семье одного парня, потерявшего оба глаза и правую руку при взрыве мины, участок под строительство дома подарил друг (43).

Однако, не у всех беженцев был скот, не у всех есть родственники, способные помочь деньгами, да и те, у кого все это было, вряд ли могли полностью покрыть все затраты на строительство только за счет этих источников. Судя по результатам опроса, у беженцев есть только два способа раздобыть недостающие средства: получить компенсацию или взять деньги в долг. 20 из 58 семей построили жилье, благодаря получению компенсации. 9 семей, чтобы построить дома, влезли в долги, и теперь ждут компенсации, чтобы расплатиться.

Опрос дает некоторое представление и об общих размерах затрат на строительство.

Вот, например, как беженцы определяли источники средств на строительство саманных домов:

- компенсация 65% + бесплатный участок (подарил брат-16),
- компенсация + бесплатный участок (мать отдала участок, полученный до войны -22),
- продал много скота (36),
- скот (маленький дом в одну комнату, за участок заплатили 25 тысяч - 18),
- компенсация +скот (в том числе за участок 35 тысяч рублей – 6) ,
- компенсация 50%.+ долг + скот (в т.ч. за участок 30 тысяч рублей - 50).

О стоимости саманных домов, облицованных кирпичом, говорит тот факт, что один из опрошенных истратил на облицовку всю компенсацию, полученную, конечно, не целиком (46).

Затраты на строительство турлучного дома: компенсация + долг 150 тысяч рублей (46). У владельца кирпичного дома остался невыплаченный долг в размере 300 тысяч рублей (41).

Шесть семей живут в недостроенных домах: четыре – в саманных, две – в бетонных подвалах своих будущих домов, накрытых шифером (39,54). Эти два подземных жилища производят на свежего человека особенно сильное впечатление.

Еще 8 семей, живущих в чужих домах, сообщили, что были вынуждены прекратить начатое строительство из-за отсутствия средств.

Одна семья купила в п. Ойсхара участок за 25 тысяч, заготовила саманный кирпич для дома (все лето делали), но он пропадает, потому что денег на фундамент нет: ждут компенсацию, чтобы продолжить строительство (31).

В то же время некоторые семьи, получившие компенсацию, начали на нее возводить дома, но столкнулись с тем, что не могут завершить строительство (таких семей 6). Причина в том, что размер компенсации в ее усеченном за счет взяток виде заведомо недостаточен, а других средств у этих семей нет.

- «На компенсацию купили участок, начали строить, заложили фундамент и купили часть материала для крыши. На остальное не хватает средств» (71)
- «Получили 230 тысяч компенсации. Деньги ушли на фундамент и на покупку участка 8 соток» (82).

Рост цен – особенно на земельные участки – приводит к тому, что получение компенсации все в меньшей степени решает проблему строительства нового жилья.

А если эту усеченную и все более обесценивающуюся компенсацию приходится еще делить с другими родственниками или расходовать на насущные нужды, перспективы строительства жилья становятся еще более туманными: «Получила 140 тысяч (пополам с братом), отдали долги, проели, построить дом не можем» (30).

Остается отметить, что в с. Иласхан-Юрт действуют и другие причины, мешающие горцам строить жилье: как рассказал один беженец, он купил участок, заложил фундамент, но строить дальше ему не разрешают! (26)

Средства к существованию

Когда мы задавали беженцам вопрос о работе, они считали, что речь идет о постоянной работе в организации, как это было в советские времена, а не о каком-то более или менее постоянном занятии, дающем определенный доход. Поэтому положительно на этот вопрос ответили только те, кто работает в бюджетных организациях. Оказалось, что работающие в этом смысле есть в 9 семьях из 105 опрошенных, и таких людей на 339 трудоспособных членов этих семей всего 11 человек. Поэтому не составляет труда их перечислить, указав размеры их зарплаты:

учитель арабского языка – 2000 руб., охранник - 10000 руб., две посудомойки с зарплатой по 1200 руб., управделами сельской администрации – 4000 руб., учитель средней школы – 2000 руб., санитарка – 1200 руб., учитель и завуч средней школы - 6400 руб., фельдшер – 3800 руб., ветврач – 2500 руб., без указания профессии – 3500 руб.

О наличии временных (сезонных или эпизодических) заработков сообщили члены 71 семьи, однако, возможно, не все сочли необходимым сказать об этом. Большинство мужчин в теплое время года работают на стройках. Об этом сообщили 58 человек. 5 сказали, что подрабатывают на сельскохозяйственных работах, Один занимается жестяными работами (делает ворота), трое занимаются торговлей, двое - перевозками. Не только мужчины, но и некоторые женщины и даже подростки используют любую возможность, чтобы подработать. Женщины обычно занимаются штукатурными работами, изготовлением саманных кирпичей, торговлей. Приведем некоторые содержательные высказывания о том, как беженцы зарабатывают на жизнь.

- «Муж работает на стройках в Грозном, и сын с ним работает. Когда есть работа, их вызывают. Денег пока не платят. Но на уразу дали 10 тысяч рублей» (2)
- « С прошлого года не работал. Жена обмазывает дома глиной» (7)
- « Месяц назад за строительство фундамента получил 7000 р. До этого 3 месяца был без работы. Держим 3 коровы (подарили родители). Покос арендуем у совхоза. Помогаю в сезон арендаторам и за это тоже получаем сено» (9)
- «Держим скот – 6 голов. Иногда работаем на стройке» (11)
- «У мужа есть трактор, на нем по найму пашет весной и осенью, в другое время работы нет» (Очень бедная семья -18).
- «Взял в аренду грузовик, заработка почти нет, предложение превышает спрос» (30)
- «Летом работал на стройках, заработал, чтобы собрать детей в школу /в семье четверо школьников/ и на питание. Занял 40 тысяч и купил автобус, хотел возить людей, но не получилось» (32)
- «Подрабатываем чисткой орехов» (42)
- «Чтобы собрать четверых детей в школу, жена сделала летом на продажу несколько тысяч саманных кирпичей» (40)
- «Покупаем-продаем скот. Сыновья (школьники) разбирают разрушенные дома на кирпич и продают его» (43)

Судя по рассказам беженцев, средний размер заработка в основной сфере их занятости – строительстве – колеблется от 2 до 5 тысяч рублей в месяц. Если работа есть в течение всего строительного сезона, можно заработать 12-30 тысяч рублей (33, 49,65,72,88,95). Однако, при том, что строительными навыками в Чечне обладает

большинство мужчин, а многие 40-50-летние мужчины имеют и значительный опыт, нажитый в довоенное время, найти работу на весь сезон удается, конечно, далеко не всем.

Итак, работа в Чечне – для большинства жителей, а не только для ВПЛ – в настоящее время не является источником регулярных денежных доходов. Таким источником служат пока только социальные выплаты: пенсии, пособия по безработице, пособия на детей. Если ежемесячную зарплату получают, как уже говорилось, только в 9 опрошенных семьях, то пенсии – в 61 семье, а пособия по безработице – в 63-х. При этом 16 семей на момент опроса вообще не имели регулярных денежных доходов. (Пособия на детей в виду их ничтожного размера не учитывались). Еще 26 семей не имели иных регулярных доходов, кроме пособия по безработице. Размер этого пособия небольшой: в ходе опроса назывались суммы от 450 до 740 р. Правда, для семей, с большим количеством трудоспособных, эти пособия могут сложиться в приличную сумму. Например, мы беседовали с семьей, в которой это пособие получали одновременно 9 человек. Но это – редкость. В большинстве семей пособие по безработице получает 1-2 человека, что на бюджет семьи серьезного влияния не оказывает. Получать его можно трижды по 6 месяцев с полугодовыми перерывами.

Мы провели грубый подсчет: сложили названные беженцами суммы регулярных месячных доходов – зарплат, пенсии, пособия по безработице (в тех случаях, когда размер пособия не был указан, брали его обычный размер – 700 руб.). Полученную сумму разделили на общее количество членов опрошенных семей, то есть на 661. Получилось, что в среднем регулярные денежные доходы на 1 человека составляют в этой группе беженцев чуть менее 500 рублей или 18 долларов в месяц. При этом

- 16 семей не имеют вообще регулярных денежных доходов,
- 42 семьи имеют доход до 500 рублей на одного человека в месяц (в т.ч. 14 семей – менее 200 руб. на человека),
- 37 семей получают ежемесячный доход в размере от 500 до 1000 руб. на человека,
- 10 семей имеют доход свыше 1000 руб. на одного человека.

Таким образом, 48 семей (55 % опрошенных) либо вообще не имеют регулярных денежных доходов, либо имеют совершенно ничтожный доход до 500 р. в месяц, то есть находятся на грани выживания. 37 семей (35%) получают несколько большие, но весьма скромные доходы до 1000 р. на человека в месяц. И только 10 семей (около 10 %) имеют доходы свыше 1000 рублей на человека в месяц. Но ни у одной из этих семей доходы не достигают прожиточного минимума, установленного постановлением ВРИО президента Чеченской Республики Р.Кадырова от 28 февраля 2007 г. на уровне 3132 рублей.

6 из 10 семей, получающих доход свыше 1000 рублей на человека в месяц, по чеченским меркам совсем маленькие – 3-4 человека – и состоят в основном из пенсионеров. Самый большой доход – 2233 руб. на одного человека – получает семья из трех человек, двое из которых – инвалиды, а единственный трудоспособный получает пособие по безработице (89).

Впрочем, надо иметь в виду, что такие небольшие пожилые семьи, как правило, тратят на себя только часть своих доходов, поскольку служат донорами других родственников – более многочисленных и молодых семей. Такие семьи, как подтверждает и наше обследование, находятся сейчас в Чечне в наихудшем положении. Пенсий они не получают, заработков нет, поэтому они вынуждены регулярно принимать помощь от родителей и других родственников-пенсионеров. Об этом нам многократно приходилось слышать и в ходе этой поездки, и раньше – во время бесед с беженцами и жителями Чечни.

Относительное благополучие остальных 4-х из 10-ти семей, имеющих доход свыше 1000 руб. на человека в месяц, основано на том, что они получают деньги из 2-3

источников (пенсия + пособие + зарплата, или пенсия + зарплата). Обладателем второго самого большого душевого дохода (2118 рублей) оказалась семья из 11 человек, потерявшая четверых мужчин, похищенных в 2002 г. Семья состоит из пожилой женщины, вдовы одного и матери трех похищенных, единственного оставшегося у нее сына, трех вдов-невесток и 6 внуков и внучек, одна из которых – ребенок-инвалид. В этой семье сразу 7 человек получают пенсии (в том числе 5 - по потере кормильца) и 3 человека (редчайший случай!) имеют работу: единственный мужчина работает охранником в одной из резиденций Р.Кадырова, получает 10 000 р., и две молодые женщины моют посуду за 1200 рублей в месяц (34). Вот откуда «богатство» этой семьи.

При крайней недостаточности денежных доходов некоторым подспорьем для ВПЛ служит подсобное хозяйство. К сожалению, мы не включили в опрос эту тему, поэтому она возникала в беседах с беженцами лишь эпизодически. Вот, например, запись, сделанная в Иласхан-Юрте: «Летом работаю на стройке. Держим 2 коровы, сено покупаем. Землю под огород не дают» (17). Или пугающе обыденное сообщение беженца, живущего в многолюдном п. Ойсхара под Гудермесом: «Корова выручала, недавно подорвалась на mine недалеко от дома» (41).

Обстановка во многих домах, где мы побывали, также свидетельствует о бедности. Правда, почти нигде бедность не бьет в глаза – ее камуфлирует характерные для чеченских домов идеальный порядок и чистота. Но все же она проглядывает в отсутствии каких-либо предметов не первой необходимости (кроме телевизоров – они есть почти у всех), в том, что везде висят одни и те же дешевенькие ковры и занавески, в том, что почти ни в одном доме нет детских игрушек. Иногда мы заставили людей за едой и видели на столах часто только самодельный хлеб, чай и сахар, реже сыр и масло. Известно, что чеченцы – мясоеды. Мы обошли больше 100 чеченских домов и, кажется, ни разу не уловили запах мяса.

Медицинская помощь

Мы задавали ВПЛ из горных сел и вопрос о доступности медицинской помощи. Нам показалось, что каких-то серьезных проблем именно в отношении доступности местной медицины для беженцев нет (изучение вопроса о ее качестве не входило в задачу обследования).

Только 15 человек на вопрос, получают ли они помощь в местной поликлинике бесплатно, ответили отрицательно. Двое из них уточнили: «Тем, кто не прописан, медпомощь не оказывают бесплатно». При этом один положительный ответ звучал так: «Бесплатно, но платить немного надо» (40). Наиболее точными мне представляются два ответа: «в ФАПе принимают бесплатно, в Гудермесе нет» (Иласхан-Юрт), «В Ойсхара – бесплатно, в Гудермесе – платно» (29, 33). ФАПы – фельдшерско-акушерские пункты, существующие сейчас во многих селах Чечни. Работающие там фельдшера действительно принимают больных бесплатно. Да и трудно было бы им за ту небольшую помощь, которую они в состоянии оказать, брать деньги со своих односельчан. В большом селе Ойсхара работает не ФАП, а маленькая участковая больница. Персонал таких сельских больниц также слишком тесно связан родственными и соседскими узами с местным населением, чтобы брать плату за свои услуги. Иное дело врачи, работающие в поликлиниках и больницах второй столицы Чечни - Гудермеса: там больные «платят, хотя на дверях написано, что бесплатно». (В Гудермесе по распоряжению главного врача района в лечебных учреждениях развешаны объявления о том, что медицинская помощь предоставляется бесплатно). В то же время необходимость вносить некоторую плату, похоже, не вызвала у наших собеседников большого протеста: то ли потому, что плата невелика, то ли потому, что это кажется в порядке вещей.

Образование

Образовательный блок включал в себя вопросы о доступности среднего, профессионального и высшего образования.* Оказалось, что каких-либо бюрократических проблем с доступностью среднего образования нет. Несмотря на то, что большинство школ в Чечне переполнены, занятия ведутся в 3 смены, а уроки по 30 минут, ни один из опрошенных не сказал, что его ребенка не приняли в школу из-за отсутствия места или регистрации, как это бывает, например, в Москве.** Но несколько человек упомянули о проблемах материального характера. Некоторые жаловались на то, что в школе выдают бесплатно только часть учебников или не выдают вовсе. В одной семье два мальчика ходят в школу в одной одежде, благо учатся в разные смены (91). Выше приводилось сообщение о том, как женщина все лето делала на продажу саманные кирпичи (а это очень тяжелая работа), чтобы собрать своих детей в школу (40). В другой семье нам рассказали, что на подготовку четверых детей к школе (одежду, ранцы, учебники, письменные принадлежности) истратили 13 тысяч рублей, при этом купить им зимнюю обувь так и не смогли (32). То есть, чтобы собрать одного ребенка в школу, надо 3-4 тысячи рублей. При отсутствии регулярных денежных доходов это для многодетных чеченских семей действительно серьезная проблема, с решением которой справляются не все: в двух семьях нам сообщили: дети не ходят в школу, потому что нет денег на одежду (77,92).

Одна из женщин, с которыми мы разговаривали, обозначила другую серьезную проблему: «Все дети ходят в школу, но учатся плохо из-за пропусков военного время» (33). Думаю, что то же самое могли бы сказать многие.

Часть молодых людей, чьи школьные годы пришлось на период активных боевых действий, вообще не смогли закончить школу, так как занятия в горных школах почти не велись из-за постоянных обстрелов, многие школы были разрушены.

По предложению сотрудников гудермесского офиса ПЦ «Мемориал», мы спрашивали беженцев, есть ли в семье молодежь, не получившая среднего образования. Выяснилось, что такие молодые люди есть в 15 из 105 опрошенных семей. Наиболее неблагополучной в этом отношении оказалась станица Ильинская, где в половине опрошенных семей есть молодежь, не сумевшая закончить школу. В одной семье двое детей вообще не ходили в школу (2). В другой три дочери проучились только 3 класса, хотя и имеют документы о 9-летнем образовании. Девочки хотели бы учиться. (6). В третьей семье четверо детей не закончили школу из-за боевых действий (11). В четвертой – пятеро детей окончили 8-9 классов из-за того, что семья после выхода с гор переезжала несколько раз с места на место, прежде чем обрела постоянное жилье (13).

В составе опрошенных семей ВПЛ, проживающих в Ильинской, мы насчитали 31 человека в возрасте от 16 до 24 лет. Так вот, 20 из них, то есть больше 60 %, не смогли получить среднее образование. Вечерней школы в Ильинской нет, так что нагнать упущенное в горах молодежи негде.

В Гудермесе удалось опросить только 6 семей. Из 10 членов этих семей в возрасте от 16 до 24 лет школу не смогли закончить 6. Причем «четверо получили аттестаты, но образование не получили» (45). Две из трех семей, где есть недоучившаяся молодежь, также прибыли из с. Тазен-Кала.

В с. Иласхан-Юрт ситуация существенно лучше. Из 10 молодых людей в возрасте от 16 до 24 лет школу не закончили четверо. Трое ходят в вечернюю школу, а один сам не захотел учиться дальше.

* Вопрос о детских садах не задавался, но двое беженцев сами упомянули о том, что не могут устроить детей в садик: в одном случае – из-за отсутствия поблизости сада, в другом, видимо, вымогалась взятка (Ойсхара, 32,36). Дошкольных учреждений в республике катастрофически не хватает, а большинство имеющихся занимаются в частных домах, не имея надлежащих условий.

В п. Ойсхара лишь в одной семье нам сообщили о детях, не получивших среднего образования. То же самое – в с. Гордали-Юрт. В селах Верхний и Нижний Нойбера, а также в с. Кади-Юрт в опрошенных семьях таких детей не оказалось*.

Проблемы получения высшего образования затрагивают, конечно, меньшее число людей. О том, что дети не смогли после окончания школы продолжить образование из-за отсутствия средств, сообщили 7 человек.

- «Сын отлично окончил школу, хотел поступать в мединститут, но не смог – не было денег» (3)
- «Один сын поступил в Нефтяной институт, но не смог учиться из-за недостатка средств, другие тоже хотели бы учиться – нет возможности» (10).
- «Дочь хотела бы поступить в медколледж, но он платный, не может заплатить 25 тысяч рублей за поступление» (47).

Однако, четверо молодых людей из опрошенных семей все же учатся: один молодой человек в Грозном в Нефтяном институте, заплатив за поступление 7500 рублей, другой обучается в Гудермесе с ежегодной оплатой в 7000 рублей, два юноши бесплатно учатся в бухгалтерском колледже в Нойбера. И один 47-летний мужчина в прошлом году закончил истфак ЧГУ.

Возможно, студентов и тех, кто желает ими стать, было бы больше, если бы не одно обстоятельство, о котором напоминает замечание одной из наших собеседниц: «Все дети получили специальности, а работы нет» (62)

«В горах мое сердце, а сам я внизу»

В завершение беженцам задавался вопрос, планируют ли они возвращаться на прежнее место жительства, и, если планируют, то при каких условиях.

На этот вопрос было зафиксировано 102 ответа: 52 человека ответили отрицательно, 11 – положительно, а 39 выразили готовность вернуться в горы при определенных условиях.

Оценивая результаты этого опроса, необходимо иметь в виду политический и культурный контекст, в котором он проводился. Как уже говорилось, власти республики подталкивают людей к возвращению в горы, не подготовив для этого самых элементарных условий. Отвечая на наш вопрос, беженцы нередко в той или иной форме реагировали на это давление: кто-то отвечал сдержанно или уклончиво, кто-то, напротив, с вызовом, как бы возражая тем, кто пытается принять решение за него. В то же время преданность родным местам, стремление вернуться туда, как бы далеко и надолго не забросила судьба, - важнейший элемент культуры чеченцев. Одна женщина из с. Гезенчу на вопрос о возможности возвращения в горы ответила: «Родина конечно» (24). Но из-за свойственной чеченцам интонационной сдержанности трудно было уловить, что звучало в ее голосе: твердая уверенность или обреченная преданность. Ее односельчанин высказался более определенно, выразив, вероятно, настроения многих беженцев: «Света, газа нет, дороги нет, заросшее, заброшенное село. Но это - моя родина, если можно будет жить, вернусь туда» (16).

Итак, почему же половина опрошенных нами беженцев не имеет намерения

* Однако, в действительности дело обстоит иначе. Представительство ПЦ «Мемориал» в Гудермесе провело специальное исследование в селах Курчалой, Нойбера и Ойсхара и выяснило, что многие родители купили для своих детей аттестаты о среднем образовании или же дети прошли по школьным коридорам, не получив знаний. Почти в каждом селе есть 20-25 подростков, не умеющих даже читать и писать. Для решения этой проблемы «Мемориал» совместно с «Каритас Франции» организовал для таких подростков в с. Самашки Ачхой-Мартановского района и в пос. Ойсхара курсы ускоренного обучения и ищет средства для открытия таких курсов в других селах.

возвращаться в горы? Первое и самое главное – страшно. Так одним словом определила причину своего нежелания возвращаться в горы женщина из с. Хашты-Мохк (98). Этот мотив звучал практически во всех разговорах с беженцами. Страшно - из-за продолжающегося насилия со стороны военных. Страшно выйти за село – из-за мин. Страшно жить в пустом селе, если что случится, некого будет звать на помощь. Страшно - из-за того, что в село стали забегать расплодившиеся за годы войны дикие животные.

Второе и не менее важное – некуда возвращаться, нет жилья. Об этом также говорили почти все, кто решил остаться на равнине.

Третье – невозможно заниматься скотоводством, главным источником существования в горах, - из-за мин и уничтожения скота военными.

Четвертое – отсутствие элементарных современных условий существования: дорога, свет, газ, школа, медпункт

Послушаем самих беженцев.

- «Не думаем возвращаться: некуда и небезопасно. Заниматься скотоводством лучше там (в горах), но сейчас невозможно. Военные расстреливают скот» (9, Дарго)
- «Не планирую возвращаться. Из села продолжают уезжать. Дороги нет, звери ходят, зачистки продолжаются» (26, Гордали)
- «Пока небезопасно возвращаться. Школа здесь лучше. Почувствовали здесь вкус к спокойной жизни» (30, Белты)
- «Пока не собираемся возвращаться в село из-за мин, отсутствия жилья; там страшно, мало людей, зачистки» (33 Гансолчу).
- «Село пустое, пока никто не возвращается, целые дома разворованы военными. В соседнем селе Дарго стоят военные, поэтому возвращаться опасно. Школа, мечеть, ФАП сожжены. Вокруг мины» (45, Тазен-Кала)
- «Боимся жить там, страшно. Уводили всех мужчин. Снова это испытать не хотела бы» (52, Шерды-Мохк)
- «Если получу компенсацию, остался бы здесь. Не хочу возвращаться. Там люди не живут, там живут волки, медведи, дикие кабаны. Что там делать?» (61, Н.Курчали)
- «Некуда возвращаться: села нет, людей нет» (66, С.Курчали)
- «Сейчас там делать нечего, медпункта нет» (69, сердечник, В.Курчали)
- «Ни за что. Сама больная, муж больной: что там буду делать?» (92, Гордали)
- «Не хочу. Жить там невозможно: газа нет, в лес ходить опасно, скот пасти негде. Был бы один, вернулся бы, а семью туда везти не хочу» (99, В.Курчали)
- Некоторые беженцы не были готовы дать определенный ответ.
- «Если бы село возродилось, поехали бы домой. Но лучше бы дали жилье здесь» (6, Тазен-Кала)
- «Не знаю. До войны было 400-450 дворов, сейчас – 30-40 дворов, живут только те, кто получает бюджетную зарплату (школа, библиотека). Дикие животные заходят в село – кабаны, медведи – убивают скот. Раньше подрывались на минах. Сейчас люди мало ходят в лес, жгут сады /на дрова/. Но в село провели газ» (19 Гордали)
- «Хотеть-то хотел бы, но трудно возвращаться. Надо строить, материалы везти, много денег надо. Дорог хороших нет. Федералы приходят и уходят. Кто знает, что от них ждать, если кто-то взорвется?» (100, В.Курчали).

Но и среди тех, кто сообщил, что не планирует возвращаться в горы, мало кто может ответить так решительно, как одна женщина из с. В. Курчали: «Зачем? Что там делать? Ни при каких условиях не вернусь» (101). Многие говорили, что **пока** не собираются возвращаться. Их решение носит временный характер и может измениться с изменением ситуации. Так что часто между решением не возвращаться в горы и намерением вернуться

туда при определенных условиях нет длинной дистанции. Тем более, что некоторые положительные ответы сформулированы так, что скорее напоминают отрицательные.

- «Вернусь только вместе с селом» (68, С.Курчали)
- «Если бы было, как до войны» (71, В.Курчали).

Однако большинство из тех, кто готов вернуться в горы, называют вполне конкретные условия. И эти условия состоят в устранении тех причин, которые заставляют их земляков отказаться от мысли о возвращении в родные села. Это – безопасность, восстановление жилья и инфраструктуры.

- «Хотели бы вернуться, если будет жилье и безопасность» (10, Тазен-Кала)
- «Была бы дорога и дом – поехал бы. Там можно держать сад, огород, скот» (15, Гезенчу)
- «Если проведут газ, свет, отремонтируют дорогу, очистят поля и лес от мин, дадут денег – тогда вернемся» (39, Шерды-Мохк)
- «Очень хочу вернуться, если бы было хоть две комнаты, работа если б была» (49, Гансолчу)
- «Сейчас нет, а потом – да, если федералы уйдут оттуда» (54, С.Курчали)
- «Там дома нет, здесь в чужом доме жизни нет. Если будет дом, безопасность, то лучше жить там, здесь скот негде пасти» (55, С.Курчали)
- «Хотим вернуться, если государство поможет» (56, Гансолчу)
- «Хочу вернуться, если помогут построить дом и будет работа и если все соседи вернутся» (63, В.Курчали)
- «Хочу вернуться, если не будет войны и постов. До сих пор проводятся зачистки и проверки, т.к. в горах есть боевики. А мой дом крайний» (65, М.Шуани)
- «Сегодня вернусь, если село восстановят, будут заботиться о людях и безопасно будет» (73, Шерды-Мохк)
- «Вернулись бы с большим удовольствием: там воздух хороший, вода свежая. Если только денег дадут, чтобы устроиться, и если все вернутся» (85, Гезенчу)
- «Если смог бы нормально построить дом и держать скот, и если помогут на новый скот и проложат дорогу» (94, Гардали)
- «Если будет возрождаться село, хочу вернуться обратно» (102, В.Курчали)
- «Если как раньше, чтобы дом был и все остальное, чтобы разминировали, чтобы администрация там жила и безопасно было» (104, В.Курчали)

Часть беженцев в качестве условия возвращения в горы справедливо называют непосредственную помощь им со стороны государства в строительстве жилья и обзаведении, в том числе – в восстановлении поголовья скота, уничтоженного военными или распроданного самими беженцами для того, чтобы выжить на равнине.

Помимо этого, властям республики, если они хотят, чтобы горцы вернулись в свои села, необходимо иметь в виду еще одно обстоятельство. Как сказала одна женщина, на равнине они «почувствовали вкус к спокойной жизни». И заметила, что здесь «школа лучше». То есть они почувствовали также и вкус к более благоприятным, чем в горах, условиям существования (школы, врачи, магазины, дороги и многое другое). Жизнь в горах, даже в мирное время, скуднее и труднее, требует большей выносливости, больших физических сил и более скромных потребностей. В этом смысле характерна реплика одной женщины на вопрос о возможном возвращении: «Была бы помоложе и поздоровее, там силы нужны» (96). Тем, кто привык к более современным и комфортным условиям существования, уже нелегко будет вернуться в суровый горский быт. Может быть, этим объясняются разногласия в одной семье: муж хочет вернуться, а жена – нет. Но муж понимает, что «женщине там трудно: газа, ничего нет» (57).

11 семей, то есть абсолютное меньшинство опрошенных, высказались за возвращение в горы без каких-либо условий. Присмотримся к их ответам.

5 из этих ответов односложные: «хотел бы», «хотели бы». Один ответ: «не против» - можно отнести к положительным лишь условно. Еще один ответ был приведен выше: «Родина, конечно». И только 4 ответа носят содержательный характер. Один из них – демонстрирующий разное отношение к возвращению у мужа и жены – также может быть отнесен к положительным условно.

- «Хотели бы вернуться домой. Живем здесь, как в гостях» (есть свой дом, 4, Гуни)
- «Хотим здесь оставить сына, а сами восстановить жилье и вернуться туда» (50, Гансолчу)
- «Хотел бы вернуться. Летом (2006) в село вернулись несколько мужчин /рассказчик в их числе/, поставили там палатки, хотели навести порядок, чтобы начать строительство. Выезжали туда работать посменно по 3 человека. Приехал комендант и забрал меня вместе с сыном и братом. Отпустили после вмешательства военного коменданта из Грозного» (13, Тазен-Кала).

Нельзя сказать, чтобы эти ответы много давали для прояснения мотивов стремления беженцев к возвращению. В первом случае очевидно лишь, что им по каким-то причинам некомфортно на новом месте. Второй случай характерен для части горских семей, которые разделяются, чтобы сохранить или восстановить жилье в горах и в то же время укрепиться на равнине. Еще один пример такого рода: «Старший сын с бабушкой вернулись в Белты. Если будет возможность постройться здесь, то туда не поедem» (31, Белты).

Во время той же поездки в Чечню, мы посетили одно из сел, откуда бежали наши собеседники – с. Гансолчу в Ножай-Юртовском районе. Мы разговаривали там с учительницей местной школы, стоя у ее дома, зияющего огромными дырами от снарядов. Учительница сказала, что, когда они получают компенсацию, то будут строить дом в Гудермесском районе, хотя жить по-прежнему собираются здесь. Она считает, что при любом новом обострении обстановки, в горах всегда будет опаснее, чем на равнине.

Третий случай получил в республике некоторую известность. Дело в том, что жители полностью разрушенного села Тазен-Кала предприняли попытку вернуться в горы под влиянием уговоров со стороны главы администрации Веденского района, товарища Р.Кадырова, активно проводящего в жизнь его требование вернуть беженцев к местам их прежнего жительства. Выезд мужчин в горы был согласован с местным комендантом, который обещал их не трогать. Тем не менее, примерно через месяц после начала работы в селе они были арестованы. По-мнению коллег из Правозащитного центра «Мемориал», работающих в Чечне, возвращение людей в свои села противоречит интересам военных, так как может помешать им контролировать ситуацию в горах, ограничивает их свободу действий. Вероятно, этот случай должен был остановить многих беженцев, думающих о возвращении в горные села.

Мы предположили, что на характер ответов о возвращении, помимо основных, названных самими беженцами причин, могли оказать влияние некоторые дополнительные факторы, такие, как обстановка в местах их нынешнего расселения, время исхода, наличие в биографии семьи трагических событий, связанных с местом исхода (гибель или похищение близких родственников, пытки), наличие своего жилья как главный признак определенной укорененности на новом месте, и, наконец, возраст собеседника. Действительно, в отдельных случаях влияние этих обстоятельств было очевидно. Однако, материалы нашего опроса не позволяют сделать каких-то общих выводов о влиянии каждого из этих обстоятельств. Например, мужчина из с. Белты прямо указал на гибель

15-летней дочери как на причину своего нежелания восстанавливать дом, где погибла девочка, и переезда семьи в п. Ойсхара (42). Однако другие семьи, пережившие такие же страшные несчастья, все же не оставляют мысли о возвращении в горы. Есть семьи, которых неустроенность на равнине явно подталкивает к возвращению домой. Но другие, столь же неустроенные, и слышать не хотят о возвращении. А некоторые из тех, кто уже живет в своих домах, чувствуют себя в них «как в гостях» и хотят вернуться.

Как показал наш опрос, некоторое общее влияние на характер ответов о возвращении оказывает только возраст. Оказалось, что среди людей старше 60 лет большинство (7 из 11 опрошенных) не намерено возвращаться в горы, среди людей в возрасте от 45 до 59 лет больше половины (25 из 42) хотели бы вернуться, среди людей в возрасте от 30 до 44 лет больше половины (17 из 30), напротив, не желают возвращаться, и еще меньше желающих (6 из 16) среди молодежи в возрасте до 30 лет.

Видимо, старики не хотят возвращаться из-за бытовых трудностей и отсутствия медицинской помощи. Молодым в горах, с одной стороны, скучно, с другой – страшно. И в равнинной части Чечни молодежи некуда себя девать, но все же круг общения там шире, можно прогуляться по улицам, заглянуть на рынок, в школу. В городах и больших селах кое-где сейчас есть интернет-кафе, спортивные секции. В горах, конечно, ничего этого нет. И на равнине молодые мужчины – главный объект охоты со стороны вооруженных людей в масках и без. Но в горах, где фактически продолжаются боевые действия, молодые люди находятся в еще большей опасности. Только люди среднего возраста, которых не мучают болезни и не дают скучать житейские заботы, более других склонны думать о возвращении в горы в надежде наладить привычные способы добывания средств к существованию.

Рекомендации

Правительствам Российской Федерации и Чеченской Республики

1. Принять меры к прекращению практики отказов ВПЛ из горных сел в местах их нынешнего расселения в оформлении регистрации, в предоставлении бесплатной медицинской и социальной помощи, выделении земельных участков под строительство.
2. Отказаться от политики и практики давления на ВПЛ из горных сел с целью принуждения их к возвращению на прежнее место жительства.
3. Возобновить выплату компенсаций ВПЛ из горных сел. Принять меры к исключению коррупции в процессе выплаты компенсаций.
4. Исключить возможность применения насилия по отношению к мирному населению и нанесения ущерба его имуществу со стороны расквартированных в горах воинских подразделений.
5. В качестве необходимых подготовительных мер для добровольного возвращения ВПЛ
 - организовать масштабные работы по разминированию в горных районах Чечни,
 - провести масштабные работы по восстановлению инфраструктуры в горных районах Чечни,
 - Правительству РФ - принять решение о выделении средств из федерального бюджета для оказания помощи ВПЛ из горных сел на переезд, строительство жилья и обустройство.

Международным, иностранным и российским гуманитарным и правозащитным организациям

1. Обратит внимание на ВПЛ из горных сел как группу населения Чечни, имеющую специфические проблемы и потребности и нуждающуюся в помощи.
2. УВКБ ООН - рассмотреть вопрос о признании этой группы мигрантов в качестве ВПЛ и включить ее в свой мандат.
3. Другим гуманитарным организациям - разработать и осуществить программы помощи ВПЛ, в том числе такие, как
 - помощь семьям, имеющим детей школьного возраста, при подготовке детей к учебному году,
 - помощь в получении среднего образования молодежи, не прошедшей курс общеобразовательной школы из-за военных действий,
 - помощь выпускникам средних школ в получении профессионального образования,
 - помощь наиболее способным выпускникам средних школ в получении высшего образования,
 - помощь в организации малых предприятий и создании рабочих мест.
4. Еврокомиссии - рассмотреть вопрос о выделении средств на помощь ВПЛ из горных сел в обустройстве на равнине и в горах – в случае их добровольного возвращения.
5. Действующим в Чечне правозащитным организациям оказывать ВПЛ помощь в защите их прав, в том числе в вопросах регистрации, получения социальной и медицинской помощи, выплаты компенсаций, предоставления и закрепления земельных участков. Обратит особое внимание на ситуацию с регистрацией, выделением и закреплением земельных участков в с. Иласхан-Юрт.

Составитель: Е.Ю.Буртина